

Тётя, уперев руки в бока, насмешливо сказала:

— Ой, я забыла, тебе уже почти сорок, какая уж тут бесстыдница, скорее старая потаскуха.

Её слова были настолько грубыми, что Лю Чуньхуа закипела от злости, подняла свои крепкие руки и бросилась на неё.

Тётя, в отличие от Лю Чуньхуа, не ленилась, справлялась с сельхозработами и домашними делами, потому легко уклонилась от её атаки.

— Ну ты даёшь, Лю Чуньхуа, даже на старших поднимаешь руку!

Шум быстро привлёк внимание деревенских жителей.

Хотя бабушка Ли была седовласой и казалась слабой, когда дело доходило до таких происшествий, она бежала быстрее всех, оказавшись первой на месте, кроме самих участников.

Только она появилась, как услышала эти слова.

К тому же с её точки зрения, Лю Чуньхуа первой напала на тётю.

Нападать на старших? Это же непозволительно!

Считая себя уважаемой и мудрой, бабушка Ли заговорила.

— Пфу!

Лю Чуньхуа плюнула в лицо тёте.

— Ты посмела плюнуть на меня! Я тебя...!!!

Тётя даже не успела стереть с лица мерзкую жидкость, только широко раскрыла глаза, ноздри её раздувались, и она с ненавистью кричала:

— Я тебя не только обругаю, но и побью!

Лю Чуньхуа, когда начинала буйнить, была мастером своего дела. Без лишних слов она бросилась на тётю, вырывая волосы и нанося удары.

Две женщины схватились в драке.

Бабушка Ли, глядя на них, как будто они были смертельными врагами, не успела даже выступить с речью, а поспешила, семеня, разнимать их.

Её чуть не толкнули.

— Вы что, я же старшая!

Её руки дрожали, но никто не обращал на неё внимания.

Поругавшись, она увидела, что ситуация выходит из-под контроля, и с досадой замолчала, ожидая, когда кто-то вмешается.

Сунь Сяолань подошла позже и, увидев ситуацию, не решилась вмешиваться.

Когда несколько крепких женщин, наконец, разняли их, оказалось, что обе уже были в синяках и ссадинах.

Одна держала в руке клок волос, другая — царапину на руке.

Разведя их по разным сторонам, женщины тихо успокаивали их, и, когда те наконец утихли, обменялись взглядами, решив отвести их домой.

Остыв, Лю Чуньхуа и тётя поняли, что поступили неправильно, подравшись на глазах у всех, и теперь рискуют стать посмешищем в деревне.

Потому молча позволили отвести себя домой.

Но одна была не согласна.

Когда всё уже утихло, бабушка Ли вдруг закричала:

— Вы обе толкнули меня, я упала, и это всё?

Лю Чуньхуа скривилась:

— Я тебя не толкала.

Она давно не переносила эту старуху, которая вечно выставляла себя важной, но в деревне Дая сильно уважали старших.

Бабушка Ли была одной из самых уважаемых старейшин, и, как бы Лю Чуньхуа её ни презирала, она не могла позволить себе с ней спорить или драться, иначе остальные старики не оставили бы её в покое.

Только Лю Чуньхуа сказала это, тётя сразу же закричала:

— Бабушка, ты же видела, я тебя не толкала.

Лю Чуньхуа усмехнулась:

— Если не ты, то кто?

— Это ты толкнула.

— Ты!

Увидев, что бабушка Ли, похоже, собирается обвинить её, Лю Чуньхуа запаниковала.

Она попыталась перевести стрелки на ту, с кем только что дралась.

Бабушка Ли, хоть и была не слишком влиятельной, но её авторитет был высок.

Если на неё навесят ярлык «напала на старшую», Лю Чуньхуа в деревне больше не жить.

Лю Чуньхуа указала на тётю:

— Ты всё врешь, ни слова правды! Разве не ты распространяла обо мне слухи, и я тебя ударила? Заслужила!

Тётя не осталась в долгу:

— Какие слухи? Говори! Ты всегда ленилась, увидела, что мой муж добрый, и заставила его таскать твои вещи, да? До дома не хватило, решила, чтобы он дотащил до твоего порога? Как тебе не стыдно?

— Это дядя сам предложил помочь, я одна не справлялась, а ты... ты как смеешь...

— Что, я не могу назвать тебя бесстыдницей?

В словесной перепалке тётя была сильнее Лю Чуньхуа.

— Разве не ты распространяла слухи о Ван Пинпин, что она вечно заигрывает с мужчинами, ведёт себя неприлично?

Лю Чуньхуа ни за что не могла признать:

— Ты... ты клеветнишь!

— Клеветни? Давай найдём кого-то, кто подтвердит! Ты в последнее время так и прыгала, многие в деревне знают об этом, не думай, что ты самая умная, а остальные дураки.

Лю Чуньхуа всё больше нервничала.

Неужели это правда? Все знали, что это она распространяла слухи о Ван Пинпин, но молчали, считая её дурочкой?

Тётя, видя её замешательство, стала ещё более дерзкой:

— Я думаю, Ван Пинпин чиста, а ты сама нечиста, сама воровала, а других обвиняешь.

— Ты врешь! Ещё слово, и я тебе рот порву!

Лю Чуньхуа снова бросилась на неё.

Она решила, что надо остановить эту женщину, чтобы та не продолжала говорить, иначе всё может выйти из-под контроля.

Но вокруг уже собралась толпа, и несколько крепких мужчин быстро схватили Лю Чуньхуа, не давая ей двигаться.

Как бы она ни сопротивлялась, один против многих не выстоит, и она, тяжело дыша, остановилась.

Тётя продолжала выкладывать всё перед толпой:

— Вру я или нет, я знаю, и ты знаешь, и тот мужчина, с которым ты вечно в лесу шляешься, тоже знает!

Ещё не закончив, Лю Чуньхуа почувствовала, как у неё потемнело в глазах, ноги подкосились, и, если бы её не поддерживали, она бы упала.

Её раскрыли!

Нет, она не может признать это.

Думая о последствиях, Лю Чуньхуа решила, что ни за что не допустит разоблачения.

Потому она, забыв о своей растерянности, с горящими глазами крикнула:

— Пфу, ты, собака, из твоего рта ничего хорошего не выйдет! Говоришь, что я с мужчинами шляюсь, так приведи его сюда! Иначе ты лгунья, клеветница!

Теперь тётя заколебалась.

О том, что Лю Чуньхуа встречалась с мужчиной в лесу, она слышала от других, но на самом деле даже не знала, был ли это мужчина, и сейчас не могла представить кого-то, кто бы подтвердил это.

Увидев её замешательство, Лю Чуньхуа успокоилась.

Её не раскрыли.

Может, кто-то случайно увидел и разболтал.

Она с торжеством заявила:

— Ну что, не можешь сказать? Друзья, соседи, посмотрите на эту тётю, которая всегда говорит одно, а делает другое, сегодня наконец показала свою истинную сущность. Может, это она сама хочет мужчину, и думает, что все такие же!

Тётя, разозлившись, указала на Лю Чуньхуа, но не могла вымолвить ни слова.

Уже давно никто не заставлял Лю Чуньхуа так нервничать.

Наконец получив возможность ответить, она не собиралась упускать её.

Она повернулась к мужчине, всё ещё державшему сельхозинвентарь:

— Дядя, я зову тебя дядей из уважения, хотя ты ненамного старше меня. Я знаю, ты добрый, сам предложил помочь, но тётя, видимо, так не думает... Ты же всё слышал, дядя, скажи, кто прав.

Этот мужчина был известен в деревне своей простодушностью.

Если Тун Вэйминь был искренним и честным, то этот был настолько простодушным, что даже не понимал насмешек.

Как сейчас, он принял слова Лю Чуньхуа за чистую монету.

Он растерялся, видя, что его жена действительно первой начала ссору, но чувствовал, что что-то не так, хотя и не мог понять, что именно.

Потому тихо сказал:

— Чуньхуа, тётя в последнее время не в духе, она меня уже несколько дней ругает, так что... давайте не будем ссориться, хорошо?

[В тексте отсутствуют авторские примечания и комментарии]

<http://bllate.org/book/16382/1482621>